

Н О Б Е Л Е В С К И Е
Л А У Р Е А Т Ы

ТОНИ
МОРРИСОН

ПЕЩЬ
СОЛОМОНА

INSPIRIA

МОСКВА

2022

УДК 821.111-31(73)
ББК 87(7Сое)-44
М80

Toni Morrison
SONG OF SOLOMON

Copyright © 1977 by Toni Morrison

Перевод с английского *Е. Коротковой*
Художественное оформление *В. Лебедевой*

Моррисон, Тони.

М80 Песнь Соломона / Тони Моррисон ; [перевод с английского Е. Коротковой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с.

ISBN 978-5-04-094878-9

Молочник Помер — колоритнейший персонаж. Сын бизнесмена, он всю жизнь был что-то должен семье: матери, чья любовь порой напоминала болезнь, и отцу — так и не смирившемуся с тем, что сын может выбрать собственную судьбу. Выбор — такой наглости никто себе позволить не может! Но Молочнику Померу тесно, тоскливо. Ему необходимо вырваться на свободу и понять, кто он на самом деле и чего может достичь. И вот однажды он слышит песнь о своем прадеде Соломоне, чья жизнь так и осталась загадкой для окружающих. И он решает рискнуть.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Короткова Е., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-094878-9

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Моему папе

Отцам — в вышине парит.

Детям — знать их имена.

ЧАСТЬ I

Глава 1

Агент «Северокаролинского общества взаимного страхования жизни» пообещал в три часа дня взлететь с крыши «Приюта милосердия» и перенестись на противоположный берег озера Сьюпериор. За два дня до этого события он прикрепил кнопками на дверях своего желтого домика объявление:

«В три часа пополудни в среду, 18 февраля 1931 года, я взлечу на собственных крыльях с крыши «Приюта милосердия». Простите меня, пожалуйста. Я любил вас всех. (подпись) Роберт Смит, страх. агент».

Мистер Смит собрал гораздо меньшую толпу, чем четыремя годами раньше Линдберг¹ — зрителей насчитывалось всего человек сорок-пятьдесят, — так как лишь к одиннадцати часам утра той среды, которую он выбрал для полета, его объявление впервые попало кому-то на глаза. В утренние часы, да еще в середине недели, новости распространяются не столь уж быстро. Дети в школе, мужчины на работе, а большинство женщин еще затягивают корсеты, готовясь заглянуть в мясную лавку и узнать, будет ли нынче хозяин раздавать

¹ Линдберг Чарлз (1902—1974) — американский летчик. В 1927 г. совершил первый беспересадочный полет через Атлантический океан. — *Здесь и далее примеч. перев.*

даром достойные внимания потроха и хвосты. Лишь безработная, работающая на себя и самая юная часть населения прибыла к месту происшествия: либо намеренно — прослышав о полете, либо случайно — потому что именно в эту минуту проходила по приозерной части Недокторской улицы — название, не признаваемое почтовой службой. На городских картах Недокторская улица носила название Мэйнз-авеню, но на ней жил и скончался единственный в городе темнокожий доктор, и в 1896 году, когда он сюда переехал, его пациенты, из которых никто не обитал даже поблизости от этой улицы, прозвали ее Докторской улицей. Позже, когда сюда перебрались и другие негры и когда у них вошло в обычай пользоваться услугами почтовой службы на предмет общения между собой, из Луизианы, Виргинии, Алабамы и Джорджии стали поступать письма, адресованные людям, проживающим на Докторской улице. Служащие почты отсылали их обратно либо сдавали в отдел недоставленных писем. Затем, в 1918 году, когда цветных стали брать в армию, некоторые из них сообщили на призывном пункте, что живут на Докторской улице. Таким образом название приобрело чуть ли не официальный статус. Впрочем, ненадолго. Кое-кто из городских законодателей, чья политическая деятельность заключалась главным образом в заботе о том, чтобы все таблички в городе содержались в порядке и указывали что положено, взял на себя труд искоренить название «Докторская улица» в официальных документах. И так как им было известно, что его употребляют только жители Южного предместья, они немедленно разослали во все магазины, парикмахерские и ресторанчики этого предместья уведомления, гласившие, что улица, пролегающая к югу и к северу от набережной и выходящая к озеру у пересечения ведущих в Пенсильванию 6-го и 2-го шоссе и к тому же проходящая между Бродвеем и Резерфорд-авеню и расположенная параллельно

им, всегда была известна и впредь будет известна как Мэйнз-авеню, а отнюдь не Докторская улица.

Мероприятие это оказалось весьма эффективным, поскольку предоставило, с одной стороны, обитателям Южного предместья возможность увековечить память доктора, а с другой — уважить требования местных законодателей. Изобретательные жители Южного предместья тут же назвали эту улицу Недокторской улицей и были также склонны назвать расположенную в ее северной части благотворительную больницу «Приютом немилосердия», ибо лишь в 1931 году, на следующий день после того, как мистер Смит спрыгнул с больничной крыши, беременной цветной женщине впервые было дозволено родить не на ступеньках больницы, а в одной из ее палат. Причиной такого великодушия администрации послужило вовсе не то, что именно эта женщина являлась единственной дочерью вышеупомянутого темнокожего врача, ибо врачу за всю жизнь ни разу не была оказана здесь врачебная помощь и лишь двое из его пациентов были допущены в «Приют милосердия», оба белые. К тому же доктор умер задолго до 1931 года. Они впустили ее исключительно потому, что мистер Смит спрыгнул с крыши, находящейся у них над головами. Во всяком случае, если убежденность страхового агента в том, что он может летать, никак не обусловила место разрешения этой дамы от бремени, то уж время его она обусловила несомненно. Едва увидев, как мистер Смит точно в назначенный час возник на куполе крыши, скрестив на груди широкие голубые шелковые крылья, дочь покойного доктора уронила плетеную корзиночку, и из нее посыпались лепесточки роз, вырезанные из алого бархата. Ветер подхватил их, швырнул вверх, вниз, разбросал по снегу. Ее дочери, две девочки-подростки, заматались, стали ловить лепестки, а мать стонала и держалась за живот. На девочек многие обратили внимание, но стоны беременной дамы остались

неуслышанными. Все знали, что девочки проводят долгие часы, изготавливая эти розы, кроют, режут, сшивают дорогой бархат, и, если на каких-то лепестках окажутся пятнышки, универсальный магазин Герхарда ни в коем случае товар у них не примет.

Сперва было весело, славно. Мужчины тоже кинулись подбирать лоскутки, пока те не намокли от снега, ловили их на лету, осторожно поднимали с земли. Ребятишки сперва не решились, глядеть ли им на человека с голубыми крыльями или на пылающие на земле красные лоскутки. Их раздумьям наступил конец, когда запела какая-то женщина. Она стояла в задних рядах толпы и одета была плохо, настолько же плохо, насколько хорошо была одета дочь врача. На последней было элегантного покроя серое пальто с поясом и бантом посередине живота, как положено ходить беременным, черная шляпа с высокой тульей и ботики на четырех пуговицах. На той, что запела, был синий вязаный колпак, низко надвинутый на лоб. Зимнего пальто у нее не имелось, и она просто завернулась в старое стеганое одеяло. Склонив голову набок и не спуская глаз с мистера Роберта Смита, она пела звучным контральто:

О, Сладкий мой, ты улетел,
О, Сладкий мой, уплыл, ушел,
О, Сладкий мой, небо пронзил,
Сладкий ты мой, уплыл домой.

Из полусотни собравшихся там людей лишь несколько подтолкнули друг друга локтем и захихикали. Остальные слушали с таким вниманием, словно это были звуки пианино, сопровождающие и разъясняющие содержание немого фильма. Так они и простояли какое-то время, и никто ничего не крикнул мистеру Смиту, поскольку всех собравшихся тут занимали другие происшествия, менее значительные, чем предстоящий ему прыжок; а потом на улицу вышел персонал больницы.

До сих пор они смотрели из окон — поначалу просто с любопытством, затем, когда толпа, казалось, расползлась до самых стен больницы, с некоторой опаской. Подумали, уж не затеяла ли тут очередную демонстрацию какая-нибудь националистическая группа. Но, не увидев ни плакатов, ни ораторов, вышли из помещения на холод: хирурги в белых халатах, служащие в темных пиджаках и три сиделки в накрахмаленных длинных блузах.

При виде мистера Смита с голубыми крылами они на несколько мгновений окаменели. Пение женщины и разбросанные по земле цветы нисколько не проясняли ситуацию. Кое у кого мелькнула мысль, что, возможно, они присутствуют при каком-то обряде. Не так уж далеко от них находилась Филадельфия, где владычествовал Благой отец¹. Возможно, две отроковицы, держащие корзины с цветами, — это девственницы, посвятившие себя его культу. Но тут вдруг расхохотался какой-то прохожий, сверкнув золотыми зубами, и они опомнились. Спустились с облаков на землю и сразу же занялись делом, стали распорядиться. И оттого, что они начали кричать и суетиться, поднялась ужасная суматоха на довольно тихой улице, где перед этим только несколько мужчин и девочек подбирали изрезанный на лоскутики бархат да пела женщина.

Одна из сиделок, решив навести хоть какой-то порядок, внимательно огляделась, и ей попала на глаза полная женщина, имевшая такой решительный вид, что казалось, ей захочется, она свернет горы.

— Эй, послушайте-ка, — сказала сиделка, направляясь к ней. — Это ваши дети?

Полная женщина медленно обернулась, приподняв брови: ей не понравилась бесцеремонная манера обращения. Затем, увидев, кто ее окликнул, она опустила и брови, и веки.

¹ Джордж Бейкер (1875—1965) — глава и основатель культа «Миссии мира».

— Мэм?

— Пошлите-ка одного из ваших ребят к нам в приемный покой. Пусть скажет дежурному, чтобы скорее шел сюда. Вот можно этого мальчика послать. Вон того, — она показала пальцем на мальчика лет пяти-шести с кошачьими глазами.

Полная женщина покосилась в ту сторону, куда тыкала пальцем сиделка.

— Это Гитара, мэм.

— Что?

— Гитара.

Сиделка изумленно вытаращила глаза, словно ее собеседница заговорила по-валлийски. Потом снова взглянула на мальчика с кошачьими глазами, сцепила пальцы и проговорила очень медленно, обращаясь к нему:

— Слушай-ка. Зайди с той стороны за больницу к дежурному. Увидишь надпись на дверях: «Приемный покой». ПОКОЙ. Там сидит дежурный. Вели ему скорей прийти сюда. Ну, шагай-ка, шагай! — Она замахала руками, будто разгребала вокруг себя холодный воздух.

К ней подошел мужчина в коричневом костюме, изо рта у него вылетали белые облачка пара.

— Ступайте в помещение. Сюда уже едет пожарная машина. Вы тут до смерти замерзнете.

Сиделка кивнула.

— Мэм, зачем вы все время говорите «ка»? — спросил мальчик. Он приехал на Север недавно и лишь недавно начал понимать, что ему можно разговаривать с белыми. Но сиделка торопливо ушла, потирая от холода руки.

— Бабушка, она зачем-то все время добавляет «ка».

— И пропускает «пожалуйста».

— Ты думаешь, он прыгнет?

— От ненормального всего можно ждать.

— А кто он?

— Собирает страховые взносы. Ненормальный.

— А тетенька, которая поет?

— А уж это, деточка, и вовсе конец света. — Но улыбнулась, глядя на поющую женщину, и мальчуган с кошачьими глазами, ее внук, слушал пение с таким же вниманием, с каким глядел на мужчину, который взмахивал крыльями на крыше больницы.

Сейчас, когда в дело предстояло вмешаться блюстителям порядка, толпа слегка забеспокоилась. Здесь каждый знал мистера Смита. Он являлся дважды в месяц к ним домой получить доллар шестьдесят восемь центов и вписать на желтую карточку дату уплаты взноса и сумму — восемьдесят четыре цента в неделю. Они задерживали платежи на полмесяца, а то и больше и вели бесконечные разговоры о том, что впредь будут вносить деньги раньше срока... отругав его сперва за то, что он так скоро к ним явился:

— Ты уж снова тут? А вроде бы я только-только от тебя отделался.

— Надоело мне на твою рожу глядеть. Надоело, хоть плачь.

— Ну, так и знал. Только звякнут друг о дружку две монетки, а ты уж тут как тут. Словно жатка ходишь и подбираешь каждую травинку. Небось уж сам президент о тебе наслышан!

Они насмехались над ним, оскорбляли его, наказывали детям говорить, что родителей нет дома, или они захворали, или уехали в Питсбург. Желтые карточки, однако же, берегли, словно и в самом деле могли от них дожидаться проку, — бережно укладывали их в коробку от ботинок, где уже лежали разные квитанции, свидетельство о браке, служебные значки давно уже переставшей существовать фабрики. А мистер Смит лишь улыбался, и его взгляд был все время сосредоточен на ногах клиента. Отправляясь по делам, он надевал строгий костюм, но домик у него был ничуть не лучше, чем у прочих. Женщин он, насколько известно, к себе не водил, в церкви разве что говорил «аминь», да и то из-

редка. Он ни разу в жизни никого не избил, после наступления темноты не шлялся по улицам, и клиенты думали, что он, пожалуй, неплохой человек. Но он был прочно связан в их сознании с болезнями и смертью, символом которых являлся коричневый рисунок на обороте желтых карточек, изображавший здание «Северокаролинского общества взаимного страхования жизни». Самым интересным поступком в его жизни оказался прыжок с крыши «Приюта милосердия». Такого от него не ожидали. «Он нам просто голову морочит, — перешептывались зеваки, — и чего только не выдумают люди».

Та женщина, что пела, теперь замолчала и, чуть слышно мурлыча мелодию себе под нос, пробралась сквозь толпу к даме с бархатными лепестками, которая по-прежнему держалась за живот.

— Вам сейчас нужно согреться, — прошептала она, слегка тронув даму за локоть. — Завтра утром вылупится птенчик.

— Как? — удивилась дама. — Завтра утром?

— Ну не сегодня же. Сегодняшнее утро уже прошло.

— Не может быть, — сказала дама. — Это слишком скоро.

— Ничего не скоро. Самое время.

Женщины глубоко заглянули друг дружке в глаза, но тут вдруг толпа взревела. «О-о!» — прокатилось волною. Мистер Смит, на миг потеряв равновесие, делал героическую попытку уцепиться за торчавший на куполе деревянный треугольник. Женщина вновь запела:

О, Сладкий мой, ты улетел,

О, Сладкий мой, уплыл, ушел...

Где-то на окраине пожарные натягивали свои робы, но, когда они прибыли к «Приюту милосердия», мистер Смит уже успел увидеть бархатные лепестки, послушать пение и прыгнуть в воздух.

На следующий день в стенах «Приюта милосердия» впервые родился чернокожий младенец. Голубые шелковые крылья мистера Смита, наверное, оставили в жизни ребенка след, ибо, сделав к четырем годам открытие, которое мистер Смит совершил до него: только птицы и аэропланы способны летать, — он утратил к себе интерес. Сознание, что он лишен этого редкостного дара, так его опечалило, так подавило в нем игру воображения, что его считали скучным даже женщины, которые не испытывали неприязни к его матери. Те, кто испытывал, те, кто ходил на ее чаепития и завидовал докторскому дому, большому, темному, состоящему из двенадцати комнат, и зеленому седану, говорили, что мальчик «со странностями». Другие, которым было известно, что дом этот скорее тюрьма, чем дворец, а седаном пользуются лишь по воскресеньям, жалели Руфь Фостер и ее замороженных дочек, мальчика же называли «необычным». Даже загадочным.

— Он правда родился в сорочке?

— Сорочку надо было высушить, истолочь, заварить чай и поить его. Иначе ему будут являться привидения.

— Вы в это верите?

— Я нет, но старики так говорят.

— Ладно, он, во всяком случае, необычный мальчик.

Посмотрите на его глаза.

Они выковыривали изо рта кусочки недопеченного «солнечного» торта и опять заглядывали мальчику в глаза. В ответ он вежливо смотрел на них, стараясь, что есть сил, потом бросал умоляющий взгляд на мать, и ему разрешалось покинуть гостиную.

Не так просто выйти из гостиной под журчанье голов, плещущих тебе в спину, распахнуть тяжелые двойные двери столовой, шмыгнуть вверх по лестнице, мимо всех спален, да так, чтоб не заметили Лина и Коринфианам, которые, словно две большие куклы, сидят перед столом, заваленным обрезками красного бархата. Сестры